

Глава девятая Россия при Петре II

Отсутствие специальных исследований, освещающих историю России в царствование Петра II (если не считать безнадежно устаревшей монографии К. Арсеньева, опубликованной в 1839 году), неудивительно. В это трехлетнее царствование не произошло ничего такого, что привлекло бы внимание историков: ни военных конфликтов, ни социальных потрясений, ни запоминающихся событий в экономической и культурной жизни общества.

В основном, рассказывая о том, что происходило тогда в стране, приходится довольствоваться двумя видами источников — депешами и записками иностранных наблюдателей и Полным собранием законов Российской империи. Но оба вида источников имеют серьезные изъяны: первые отличаются поверхностностью содержания, ограниченным кругом событий и явлений, которые они освещают, отсутствием конкретного материала, подтверждающего наблюдения авторов; второй сообщает лишь о намерениях правительства, но умалчивает о том, в какой мере и как эти намерения претворялись в жизнь. Единственным критерием выполнения норм, устанавливаемых законами, является их периодическая повторяемость: если публикуются указы одинакового содержания, значит, предшествующие указы оказались неисполненными.

Чтобы устранить отмеченные выше изъяны законодательных актов, надлежит окунуться в море архивных документов и извлечь из некоторых из них крупницы интересующих историка сведений. Но далеко не во всех случаях затраченное время и силы окупаются достигнутыми результатами. В частности, когда речь заходит об изучении короткого отрезка времени, то историк чаще всего имеет дело с рутинной повседневной жизнью, серой и однообразной, реже — с процессами либо берущими начало в этом историческом отрезке, но завершающимися уже в другую эпоху, либо, наоборот, с процессами, начатыми в предшествующие десятилетия.

Говоря об источниках иностранного происхождения, отражающих эпоху Петра II, надобно отметить, что они дают диаметрально противоположные оценки состояния России того времени. Отрицательные оценки, как правило, исходили от дипломатов, а хвалебные — от авторов исторических записок.

Из окна кареты, проезжавшей по улицам столицы, или из окон дома, где проживал дипломат, многого не разглядишь. К тому же послов и резидентов больше всего интересовала жизнь двора, соперничество «партий» и вельмож за влияние на императора. Свои впечатления о представителях правящей элиты они переносили на оценку положения всей страны. И еще одна оговорка: подчеркивая неупорядоченность дел в России, дипломаты питали надежду на то, что их собственные дворы оценят испытываемые ими трудности при исполнении служебных обязанностей.

И все же наблюдения иностранных дипломатов заслуживают внимания. Несмотря на все сказанное, в них можно обнаружить зерно истины.

Начнем с донесений австрийских дипломатов, внимательно наблюдавших за состоянием дел в России. Две эти страны находились в союзе, и потому правящим кругам Австрии было далеко не безразлично, в каком состоянии находились вооруженные силы и финансы России. Посол Рабутин летом 1727 года доносил об упадке в России флота и войск. Сменивший Рабутина граф Вратислав неоднократно убеждал русских вельмож в необходимости содержать в надлежащем состоянии флот, сухопутное войско и крепости. Вельможи с ним соглашались, обещали, «что все будет сделано, но упадок в этом отношении, — доносил Рабутин в Вену, — бросается в глаза».

Австрийский дипломат Гогенгольц писал в 1729 году о плачевном состоянии

России: «Нет никакого единства в управлении делами, отсюда выходит неурядица. Никто не доверяет другому, не желает взять на себя ответственность. Благодаря этому все в застое». Еще более резкое суждение высказал Вратислав: «Никто не имеет инициативы, Верховный тайный совет собирается весьма редко. Дела остановлены. Судопроизводство, администрация, все присутственные места находятся в хаотическом состоянии. Никто не думает о том, как бы помочь этому злу». В декабре 1729 года он даже стал сомневаться, следует ли сохранять с Россией союзнические отношения: «Стоит ли связываться с краем, где войско ослабевает, дисциплина исчезает, финансы в расстройстве, и люди, стоящие в центре, оказываются совершенно неспособными к управлению делами?» К тому же «здесь нет никакого постоянства. Каждый день все изменяется и идет вверх дном».¹

Ничего положительного не обнаружил в России и саксонский резидент Лефорт. В январе 1728 года он писал: «Рассудительные люди уверяют, что неурядица, беспорядок и разврат возьмут верх... Я полагаю, что все погибнет от бездействия. Стыдно смотреть, как все делается». Будучи в ожидании коронации императора, резидент доносил: «Здесь везде царствует глубокая тишина. Молодой монарх предаётся своим удовольствиям и часто проводит целые ночи Бог знает где... Когда я обращаю внимание на настоящее управление государством, мне кажется, что царствование Петра Великого было не что иное, как сон. Все живут здесь в такой беспечности, что человеческий разум не может постигнуть, как такая огромная машина держится без всякой помощи, каждый старается избавиться от забот, никто не хочет взять что-либо на себя».

В депеше от 25 ноября 1728 года Лефорт сравнивает Россию с кораблем, плывущим без кормчего: «Стараясь понять состояние этого государства, найдем, что его положение с каждым днем делается непонятнее; можно было бы сравнить его с плывущим кораблем; буря готова разразиться, а кормчий и все матросы опьянели или заснули. То же самое представляет и это государство: огромное судно, брошенное на произвол судьбы, несется, и никто не подумает о будущем». В этой же депеше саксонский резидент сообщал о катастрофическом состоянии финансов: «Флот сокращен, однако же ни гражданские, ни военные чины не получают жалованья; большое число полков имеют требовать жалованье больше, чем на год, что же касается до высших чинов гражданских и военных, то им не выдано жалованье от 8 до 10 лет». В другой депеше, отправленной в октябре 1729 года: «Непостижимо, как может держаться этот государственный строй; все в бездействии и каждый имеет в виду только свои выгоды».²

Не менее мрачным представлялось положение России английскому, испанскому и прусскому дипломатам. К. Рондо доносил в Лондон в 1722 году: «Ваше превосходительство не может себе представить, как здесь жалуются на ход дел. Никакой определенной системы управления нет, никаких жалоб не слушают, поэтому очень многие разоряются».³

Испанский посол де Лириа 16 ноября 1728 года извещал короля: «Что касается здешнего управления, все идет дурно, царь не занимается делами, да и не думает заниматься; денег никому не платят и, Бог знает, до чего дойдут финансы его царского величества, каждый ворует сколько может».

Прусский посол Мардефельд ухитрился охарактеризовать обстановку в России

¹ Брикнер А. Указ. соч. // Вестник Европы. 1896. № 2. С. 591, 596, 597.

² Сб. РИО. Т. 5. С. 304, 307, 315, 316, 330.

³ Сб. РИО. Т. 66. С. 19.

в депеше от 27 ноября 1727 года тремя словами: «Все коснеет, страждет».⁴

В отличие от дипломатов, единодушных в негативной оценке происходившего в России, авторы записок столь же единодушно отмечали благополучие страны. Один из них, полковник Манштейн, в «Записках о России» так отзывался о времени царствования Петра II: «Русские старого времени находили в нем государя по душе оттого, что он, выехав из Петербурга, перевел их в Москву. Вся Россия до сих пор считает его царствование самым счастливым временем из последних ста лет. Государство находилось в мире со всеми соседями; служить в войсках никого не принуждали, так что каждый мог спокойно наслаждаться своим добром и даже умножать его. За исключением некоторых вельмож, завистливо смотревших на могущество Долгоруких, вся нация была довольна; радость отражалась на всех лицах; государственная казна обогащалась, и Москва начинала поправляться от разорения, причиненного ей пристрастием Петра I к Петербургу...» Впрочем, Манштейн указывал и на негативные стороны царствования: «Только армия и флот приходили в упадок и погибли бы, вероятно, если бы царствование это продолжалось в этом виде еще несколько лет».⁵

Неизвестно, какими соображениями руководствовался Манштейн, когда сочинял панегирик Петру II, и откуда он извлек сведения о высоком мнении русских относительно своего императора. Можно сказать лишь, что его отзыв об этом царствовании далек от истины. Многие русские осуждали поведение Петра II. Вряд ли всеобщей была радость от того, что столицей империи вновь стала Москва, хотя части дворянства это, несомненно, пришлось по душе. Слабость центральной администрации, позволявшая местным властям чинить безнаказанный произвол и насилие, также никак нельзя отнести к заслугам правительства юного монарха. Правда, та же слабость центральной власти заставляла мириться с несвоевременной уплатой подушной подати, но за это пришлось расплачиваться налогоплательщикам в следующее царствование. Сомнительна и справедливость утверждения Манштейна, что никого якобы не принуждали служить в войске, — такой порядок не усиливал, а ослаблял армию. Единственно, в чем был прав Манштейн, так это в том, что за время, в течение которого Петр II занимал трон, «царствовали мир и тишина». Но Петр II царствовал всего три года — а в любом царствовании можно обнаружить три года более или менее мирной жизни. К тому же Манштейн не являлся современником Петра II. Как отметил историк А. Брикнер, он прибыл в Россию не ранее 1736 года; следовательно, его суждения исходили не из личных наблюдений, а из информации третьих лиц.

И тем не менее оценку Манштейна, как это ни странно, воспринял знаменитый историк С. М. Соловьев. Быть может, это объясняется тем, что к 1870 году, когда он писал 19-й том своей «Истории России», многие источники еще не были известны.

Еще больше похвалы в адрес царствования Петра II можно обнаружить в сочинении анонимного автора, написанном на чешском языке и вышедшем под названием «Краткий очерк состояния Русского государства при императоре Петре Втором». Вот некоторые оценки анонима: «Военная часть устроена очень хорошо и во многом по немецкому образцу; полки в хорошем и полном составе, солдаты довольно хорошо обучены фрунтовой службе и по строгости и выдержке значительно превосходят солдат других наций... Крепости содержатся в хорошем оборонительном состоянии, и вторжение неприятеля всегда может быть успешно отражено».

⁴ Сб. РИО. Т. 15. С. 508.

⁵ Манштейн. Указ. соч. С. 171.

Высокую оценку аноним дал и военно-морскому флоту, состоявшему, по его сведениям, «из 30 военных кораблей, 12 фрегатов и нескольких сот галер». «Люди здесь, — продолжает аноним, — в короткое время настолько привыкли как к морскому, так и сухопутному военному делу, что по случаю нужды их можно употреблять на все, и при хорошей команде на них, по моему мнению, можно вполне положиться». Восторг настолько затмил глаза автора, что он не заметил противоречия между цитированным текстом и фразой, начертанной абзацем выше, где он заявил: «Такая сила, если бы можно было достаточно положиться на иностранных офицеров и матросов, могла бы считаться весьма значительной».

По мнению анонима, «по отношению к земледелию страна довольно хорошо обработана, и даже среди самых больших лесов, по крайней мере от Петербурга до наших стран, не так легко отыскать свободную землю, которую жители не употребили бы в свою пользу». Автор при этом забыл, что «хорошо обработанная земля» давала самый низкий в Европе урожай.

В дальнейшем тексте «Краткого очерка» помещаются некоторые бытовые подробности из жизни русских, причем автор уклоняется от какой-либо их оценки: «Относительно образа жизни можно сказать, что они живут вместе, и даже мужчины, женщины и дети, как они Богом созданы, ходят в одни и те же здесь очень распространенные бани, причем в особенности должно заметить, что, выходя из самого сильного жара бани, они не только летом, но и зимою, бросаются в холодную воду реки или пруда, близ которых бани обыкновенно строятся, или же бросаются ниц и трут себя снегом». «На пищу и напитки они мало тратятся, так как русский не так легко пригласит на званый обед». «В женских монастырях весело живут, так как здесь находят возможность тайком проводить к себе мужчин, которые, впрочем, по народной молве, иногда дорого за это поплачивались, пропадая без вести».⁶

Итак, перед нами два вида свидетельств с диаметрально противоположной оценкой состояния России при Петре II. Если принять на веру оценки иностранных дипломатов, то надо признать, что страна находилась в столь катастрофическом положении, что должна была вот-вот рухнуть под обломками социальных конфликтов и беззастенчивого грабежа казны чиновниками и вельможами различного ранга. Напротив, если руководствоваться суждениями авторов процитированных записок, то получается, что Россия в царствование Петра II благоденствовала, находясь, как никогда, в цветущем состоянии, без пороков, которые так красочно описывали дипломаты.

Думается, оба вида свидетельств нуждаются в существенных коррективах, ибо в России отсутствовали реальные признаки как развала страны, так и всеобщего процветания.

Дипломаты были бесспорно правы, когда сообщали в своих депешах о слабости и беспомощности центральной власти, не способной пресекать казнокрадство и произвол чиновников всех уровней. Косвенным подтверждением этому может служить то обстоятельство, что за почти трехлетнее царствование Петра II к ответственности был привлечен единственный человек, совершивший множество преступлений, — адмирал Змаевич. 9 декабря 1727 года его судили за типичное для того времени преступление — казнокрадство. Адмирал проявил завидную изобретательность в способах присвоения казенного добра. Заведая галерной верфью и галерной гаванью, он использовал строительный материал для собственных потреб, включал в список служителей, получавших жалованье, фиктивные фамилии, и положенное им жалованье клал в свой карман, использовал

⁶ РА. 1883. Кн. 3. № 5–6. С. 228–233.
163 ПСЗ. Т. VII. № 5287.

находившуюся в его распоряжении команду для личных нужд. Суд приговорил Змаевича и помогавшего ему майора Пасынкова к смертной казни. Однако адмирал был помилован императором и понес сравнительно легкое наказание: его понизили чином на один ранг, из адмирала в вице-адмиралы, и отправили в Астрахань командиром тамошнего порта.

Другим примером слабости администрации может служить история с выборами (или, скорее, назначением) депутатов в комиссию по составлению нового Уложения. 14 июля 1728 года состоялся указ Сената о высылке в Москву «из офицеров и из дворян способных людей» из каждой губернии по пять человек «для пополнения прежнего Уложения».⁷ Депутаты должны были прибыть в старую столицу 1 сентября того же года. В сентябре появились депутаты только от Московской губернии. Что касается остальных губерний, то сенатский указ, изданный вследствие именного, состоявшегося в Верховном тайном совете, о высылке депутатов, в конце концов оказался невыполненным. Автор специального исследования о законодательных комиссиях В. Н. Латкин привел примеры того, как указ претворялся в жизнь на местах.⁸

Новгородская губернская канцелярия донесла в сентябре 1728 года, что за избранным депутатом помещиком Иваном Скобельцыным трижды в уезд посылали солдат, но он оказался «ослушен и в Новгород не приехал». Тогда губернская канцелярия послала за ним подьячего и трех солдат с повелением, что если он ослушается и на этот раз, то взять его и привести под караулом в Новгород. Ослушнику пригрозили конфискацией всего движимого и недвижимого имущества и запретом крестьянам ему повиноваться. Наконец, 20 сентября Скобельцына спровадили в Москву, куда он добирался пять недель и прибыл 27 октября. Аналогичным образом вел себя и другой депутат от Новгородской губернии помещик Ушаков. Он тоже скрывался от посыльных, и те вместо депутата привезли в Москву двух его дворовых людей. 9 октября Псковская канцелярия донесла о смерти Ушакова. Вместо него был избран дворянин Квашнин-Самарин, но оказалось, что он находится на службе, и тогда 10 октября в Москву отправили помещика Лаврентьева. От Тверской провинции был избран депутатом старицкий помещик Дмитрий Сытин, но его долгое время не могли отыскать, и тогда в январе 1729 года избрали вместо него ржевского помещика Феодосия Толстого.

Воеводы Севской, Орловской провинций, города Курска и Старого Оскола долгое время вообще не реагировали на сенатский указ, несмотря на то, что в их адрес Белгородская провинциальная канцелярия отправила по восемь указов.

Воеводы Шацкой и Тамбовской провинций тоже не проявили усердия в выполнении сенатского указа. Четыре указа, отправленные в их адрес из Воронежской губернской канцелярии, никак не подействовали, и они выполнили его лишь после того, как были оштрафованы по 50 рублей каждый. Депутаты, однако, прибыли в Москву с большим опозданием — в конце декабря 1728 года.

По данным на 11 декабря 1728 года в Москву прибыло 38 депутатов, представлявших отнюдь не цвет провинциального дворянства: это были либо люди уже престарелые, либо помещики, влачившие жалкое существование и владевшие одним-двумя или пятью дворами и не располагавшие средствами, чтобы к положенным казной на свое содержание 50 копейкам в день прибавить некую сумму из собственных доходов.

Капитан Ширяев, 43 лет, в Муромском уезде Московской губернии владел одним двором; стольник Степан Левшин, 70 лет, владел в уезде 12 дворами, а

7

⁸ Латкин В. Н. Законодательная комиссия в России в XVIII ст. Т. 1. СПб., 1883. С. 50–53.

дворянин Иван Спешнев, 70 лет, в Волховском уезде владел двумя дворами; за дворянином Потапом Лединским, 56 лет, в Волоколамском уезде числилось два двора; 64-летний дворянин Наум Бараков в Яранском уезде Казанской губернии владел семью дворами. Исключение составлял депутат от Смоленской губернии, владевший 500 душами крепостных.

Контингент депутатов, надо полагать, выглядел не респектабельно и по экипировке, не говоря уже о их неспособности ориентироваться в юридических тонкостях законотворчества. Следов своей деятельности депутаты не оставили, проведя год-полтора в старой столице в безделье.

16 мая 1729 года последовал указ Верховного тайного совета с повелением отправить находившихся в Москве депутатов по домам, а вместо них выбрать новых. «А к губернаторам послать наши указы, чтоб на их место выбрали других знатных и добрых людей, которые к тому делу были достойны, из каждой губернии по 2 человека».

На этот раз Верховный тайный совет, наученный неудачей, предъявлял губернаторам более жесткие требования. Во-первых, перед отправкой депутатов надлежало прислать в Москву сведения о них; во-вторых, и это самое главное, «с теми людьми в Москве быть самим им, губернаторам, или товарищам их, чтобы могли сами ответствовать».⁹ Теперь уже депутаты не избирались, а назначались. Срок их прибытия в Москву определялся 1 сентября 1730 года. К этому времени Петра II не было в живых, на престоле сидела Анна Иоанновна, и дело застопорилось — сведения о том, были ли назначены новые депутаты, отсутствуют.

Как видим, в правительственном механизме наличествовали слабости и перебои. Но главное наблюдение состоит в том, что дворянство, как сословие, находилось на начальной стадии своего формирования, поскольку не сознавало выгод, которые могло извлечь из активного участия в законодательной комиссии. При выборе в комиссию по составлению нового уложения дворяне руководствовались тем же обычаем, которым пользовались сельская и посадская общины при рекрутских наборах: в рекруты прежде всего отбирали пьяниц, лодырей, то есть нетягспособных членов общины. Равным образом, провинциальное дворянство считало для себя обузой пребывание в комиссии; в нее отправляли не лучших представителей, а беззащитную мелкоту.

К деятельности правительства Петр II по существу не имел никакого отношения. Тем не менее политика правительства заслуживает рассмотрения. Осуществлялась она в нескольких направлениях.

Во-первых, продолжалось то, что было начато в предшествующие царствования; во-вторых, правительство по собственной инициативе принимало новые меры. Приходилось заниматься и обычной, рутинной работой. Правительственная телега двигалась по накатанной колее, удовлетворяя повседневные нужды государства. При Петре II, как и при Петре I, издавались указы, направленные на пресечение бегства крестьян и рекрутов, а также разбойных отрядов, рыскавших по стране, по сбору подушной подати и образовавшихся по ней доимок. Эти обязанности государственного механизма относились к постоянным и неизменным. Но иногда у правительства возникали временные заботы, обусловленные экстраординарными обстоятельствами, нарушавшими обычный ритм жизни. К ним относятся указы о борьбе с эпидемиями и эпизоотиями, с налетами саранчи, с непослушанием крестьян и др.

Выполнение всех этих обязанностей, как правило, не требовало ни от воевод, ни от губернаторов, ни, наконец, от Верховного тайного совета ни

⁹ ПСЗ. Т. VII. № 5412.

изобретательности, ни напряжения умственных сил — все руководствовались стереотипами, изложенными в регламентах, инструкциях и наставлениях, до мелочей указывавших, как надо поступать в том или ином случае. Такого рода деятельность ложится на плечи бюрократии, активность которой монарх может лишь стимулировать установлением жесткого контроля, поощрением добросовестных чиновников и наказанием нерадивых. Петра II можно отнести к числу номинальных государей, не выполнявших своих обязанностей отчасти по малолетству, но главным образом вследствие непреодолимого тяготения к праздности, нежелания вникать в дела и овладевать искусством управления государством.

Бюрократия без особого напряжения выполняла обязанности, возложенные на нее предшествовавшими царствованиями; продолжались (или порой завершались) дела, начатые ранее. К числу последних относится посольство Саввы Лукича Рагузинского, отправленного в Китай еще в 1725 году Екатериной I и возвратившегося в Москву в 1729 году при Петре II.

Столь длительное выполнение посольством своей миссии объясняется двумя причинами: протяженностью пути от Петербурга до Пекина и несговорчивостью китайских представителей, то соглашавшихся с предложениями русской стороны, то отклонявших их. Кроме того, Савва Лукич вынужден был совершать продолжительные остановки в Тобольске и Иркутске для приискания ведомостей о беглецах, о границах и прочем. «Что мог собрать, то взял с собою», — доносил он из Иркутска в мае 1726 года. Однако «за худым управлением прежних губернаторов» удалось добыть крайне ограниченные сведения. Особенно удручающее впечатление производило отсутствие сколько-нибудь удовлетворительных карт. Имевшаяся карта обозначала границу лишь по реке Аргуни, а сухопутная граница между двумя странами на протяжении тысяч верст оказалась необозначенной.

Серб по национальности, Владиславич Рагузинский верно служил интересам России с самого начала XVIII столетия. Перед ним было поставлено три задачи: восстановить прерванную китайской стороной караванную торговлю с Россией; добиться «разграничения земель» («А наиглавнейшая с китайской стороны претензия и домогательство чинится в разграничении земель»); и, наконец, добиваться возвращения из Китая в Россию беглецов.

В Китае послу довелось испытать чисто восточное обхождение: подозрительность, двуличие, любезности, чередовавшиеся с угрозами. «Я более жил за честным караулом, чем вольным послом, — доносил Владиславич. — Как можно видеть из всех их поступков, они войны сильно боятся, но от гордости и лукавства не отступают, а такого непостоянства от рождения моего я ни в каком народе не видал». В Пекине посольство испытало немало лишений: то двор посла был окружен караулом, никого не выпускавшим за его пределы, то посольству чинили препятствия в снабжении водой и приобретении продовольствия, то грозили выпроводить из Пекина в Россию в зимнюю стужу, что грозило неминуемой гибелью.

Заслуга Владиславича состояла в том, что он не поддавался провокациям и угрозам, проявил мужество, стойкость и гибкость в переговорах, которые завершились подписанием 20 августа 1727 года на реке Буре выгодного для России договора. «Могу ваше императорское величество поздравить, — доносил он Петру II, — с подтверждением дружбы и обновлением вечного мира с Китайскою империей с установлением торговли и разведением границы в немалой пользе для Российской империи и неизреченной радости пограничных обывателей...»

Владиславич добился успеха отчасти благодаря подкупу высокопоставленного чиновника, входившего в состав китайской делегации. Подкуп в те времена широко применялся в дипломатической практике. Это позволило нашему посланнику

своевременно узнавать о всех планах и намерениях китайской стороны, предпринимать ответные меры и готовить контрдоводы.

В Москве высоко оценили заслуги Саввы Лукича Рагузинского. Он был возведен в чин тайного советника и пожалован орденом Святого Александра Невского.¹⁰

Еще больше времени заняло исполнение другого поручения, связанного с Сибирью. Петр Великий незадолго до своей кончины велел капитану Витусу Берингу возглавить экспедицию в Сибирь для выяснения, соединена ли Азия с Америкой материком или между ними существует водное пространство. Экспедиция, получившая название Первой Камчатской, оказалась успешной. Она продолжалась пять лет, в течение которых Россия пережила четыре царствования: Петра Великого, Екатерины I, Петра II. Возвратилась экспедиция при Анне Иоанновне. Впрочем, никто из царствующих особ, кроме Петра I, никакого отношения к Первой Камчатской экспедиции не имел.

Важные начинания во внутренней политике, предпринятые при Екатерине I, были продолжены при Петре II. Речь идет о преодолении хозяйственного кризиса, обусловленного неурожаем трех лет подряд, охватившими значительную территорию страны. Одним из средств экономии расходов в бюджете страны считалось сокращение штатов коллегий, слияние некоторых из них, а также упразднение ряда центральных учреждений. Кроме того, были созданы две комиссии: Комиссия о коммерции во главе с А. И. Остерманом должна была изыскать средства для поощрения развития торговли; другая комиссия, возглавлявшаяся Д. М. Голицыным, должна была решить вопрос о судьбе подушной подати: оставить ее в неизменном виде или перейти к другой системе обложения, при которой подати платили только работоспособные мужчины, а старики, дети и увечные от нее были освобождены.

Сложность возложенных на комиссии задач была неравнозначной, как неравнозначными оказались достигнутые ими результаты. Указ Сената от 10 июня 1727 года велел вызвать в Санкт-Петербург купцов и потребовать от них заявлений о том, какие тяготы препятствуют процветанию торговли, чтобы Комиссия о коммерции могла рассмотреть их и решить, какие жалобы удовлетворить, а какие — нет. Сенатский же указ от 19 июня того же года потребовал от областной администрации сложной и кропотливой работы по выявлению количества душ, выбывших после первой ревизии, внесенных в ревизские сказки по два и три раза. Надлежало выяснить, сколько среди налогоплательщиков увечных, дряхлых и т. д. Чтобы ответить на предложенные Сенатом вопросы, надобно было провести вторую ревизию. Эту трудоемкую работу провести не удалось, а потому существование комиссии Голицына оказалось бесплодным. Что касается Комиссии о коммерции, то ей удалось добиться от Сената нескольких указов, способствовавших росту торговой и промышленной активности купечества.

Указ от 26 сентября 1727 года освобождал рудоискателей и лиц, намеревавшихся построить заводы в Сибири для обработки руд, от необходимости испрашивать на то разрешение в правительственных учреждениях Петербурга и Екатеринбурга. В этот же день был обнародован именной указ, повелевавший «табачный торг отворить в вольную продажу». Отмена казенной монополии на торговлю табаком сопровождалась отменой табачных откупов.¹¹ Для поощрения отечественного кораблестроения и укомплектования команд торговых кораблей

¹⁰ Павленко Н. И. Савва Лукич Рагузинский // Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 348–368.

¹¹ ПСЗ. Т. VII. № 5164, 5168.

русскими матросами освобождались от уплаты пошлин и акцизов те иноземные товары, которые доставлялись в Петербург на кораблях, сооруженных в России или укомплектованных на 2/3 русскими матросами.¹²

Самая значительная акция Комиссии о коммерции состояла в опубликовании в 1729 году Вексельного устава, который действовал более ста лет. Он предназначался «для пользы и лучшего распорядка в купечестве», а также для того, чтобы сократить излишние расходы и снизить опасность в пути от воров и разбойников. Суть этого устава состояла в изменении порядка расплаты при совершении сделок купли-продажи: вместо наличных денег, перевозка которых доставляла множество неудобств, расплачивались векселями — ценными бумагами.¹³

Продолжались начатые при Екатерине I перемены в структуре административного аппарата. Как и при императрице, мотивировка осталась такой же: либо за ненадобностью, либо ради сокращения расходов. Первым сразу же после кончины Екатерины был упразднен Кабинет ее императорского величества. Вслед за этим упразднили Главный магистрат. В указе от 18 августа читаем: «Понеже городские магистраты позволено подчинить губернаторам, того ради указали мы в С.-Петербурге Главному магистрату не быть».¹⁴ Далее последовали ликвидация московских контор в коллегиях, упразднение должности обер-секретаря в Синоде и ликвидация в Москве синодальной конторы. Упразднялись также Коллегия экономии и Преображенский приказ, занимавшийся расследованием политических преступлений.

Самой важной «ликвидаторской» акцией Верховного тайного совета стало упразднение Малороссийской коллегии, то есть установленного Петром Великим порядка управления Украиной. Указ восстанавливал гетманство на том основании, что содержание Малороссийской коллегии требовало значительных расходов. К тому же деятельность президента этой коллегии Вельяминова вызывала множество жалоб на произвол и мздоимство.

Петр II объявил: «В Малой России ко удовольствию тамошнего народа постановить гетмана и прочую генеральную старшину во всем по содержанию пунктов, на которых сей народ в подданство Российской империи вступил».¹⁵

Для реализации этого указа в тогдашнюю столицу Малороссии Глухов был отправлен Наумов. Ему была вручена секретная инструкция, из содержания которой следовало, что он должен был настоять на избрании гетманом Даниила Апостола: «Сие избрание написано для лица, а в самом деле его императорского величества соизволение быть гетманом миргородскому полковнику Данилу Апостолу». Если же «старшина и народ малороссийский», паче чаяния, пожелает избрать в гетманы кого-либо другого, а не Апостола, «того учинить не допустить и то обрание под каким пристойным претекстом остановить». Прибыв в Глухов, Наумов объявил, что быть «в Малороссии гетману по-прежнему, кого они выберут из малороссийского народа вольными голосами по-прежнему обыкновению».¹⁶ Гетманом единогласно был избран Даниил Апостол.

¹² Там же.

¹³ Там же. № 5392.

¹⁴ Там же. № 5142.

¹⁵ Там же. № 5078.

¹⁶ Соловьев С. Ж Указ. соч. С. 154, 155.

Продолжалась унаследованная от петровского времени практика принудительных мобилизаций дворянских недорослей для обучения. Июньский указ 1727 года предложил Герольдмейстерской конторе прислать в Адмиралтейскую коллегию недорослей в возрасте от 12 до 17 лет для обучения навигационным наукам. Заслуживает упоминания и продолжение строительства начатого еще в 1719 году Ладожского канала.¹⁷

Среди правительственных мер сравнительно не много было новых, то есть таких, которые не опирались на прецеденты из прежнего царствования. Помимо Вексельного устава, о котором сказано выше, отметим июльский указ 1727 года об устройстве тракта между Петербургом и Архангельском. Надобность в этом тракте возникла в связи с отменой ограничений в торговле с Западной Европой через Архангельск. Тракт в обход Москвы укорачивал путь на 150 верст и должен был способствовать развитию торговли и ускорению почтовой связи между двумя городами.

Попытка учесть изменения в структуре областной администрации после кончины Петра Великого была предпринята в «Наказе губернаторам и воеводам и их товарищам», опубликованном 12 сентября 1729 года. Надобность в появлении нового «Наказа» объяснялась тем, что необходимо было сосредоточить в руках губернаторов и воевод дела, которые ранее исполнялись ликвидированными ныне учреждениями, а также унифицировать обязанности губернаторов и воевод, ранее определенные наказами каждому из них. Практически этот наказ вводил порядки, существовавшие в областной администрации допетровских времен.

«Наказ» состоял из 52 статей, из которых только первая дословно повторяла текст первой статьи воеводского наказа 1719 года. Она обязывала каждого губернатора и воеводу быть «государю верным, справедливым и верным слугой, пользу его и благополучие всяким образом исполнять и шкоды и убытки и опасности отвращать». Эта статья перекликается с статьей 49-й (являвшейся новой), в которой было сказано об обязанности губернатора и воеводы блюсти интересы подданных: «Губернаторам и воеводам с товарищи как городским жителям, так и уездным людям обид и налог отнюдь не чинить, и никакими нападками и утеснениями не иметь; а ежели в том по челобитью изобличены будут, то за то штрафованы будут по прежним состоявшимся о том указам».

Судить, опираясь на источники, об усердии губернаторов и воевод в выполнении обеих статей нет возможности. Но можно с уверенностью сказать, что обе статьи губернаторы и воеводы могли выполнять только при наличии должного контроля за их деятельностью со стороны центральной власти, располагавшей средствами для привлечения нарушителей к ответственности, пресечения произвола губернаторов и воевод. При слабой власти выполнение обязанностей, указанных в обеих статьях, всецело зависело от нравственности губернаторов и воевод. Однако известно, что последние никогда не могли устоять перед соблазном поживиться за счет казны и подвластного им населения.

Остальные статьи «Наказа» требовали от губернаторов и воевод исполнения рутинных обязанностей, возложенных на них предшествующим законодательством. Надлежало следить за тем, чтобы «челобитчики в делах своих правосудное решение без волокиты получили и далее положенных сроков по указам продолжения не имели», чтобы губернаторы и воеводы заботились о «скором искоренении воров и разбойников» и скором решении дел об арестованных, «чтоб, ведя скорый розыск и экзекуции, имели страх и унимали других», следили за своевременным сбором

¹⁷ ПСЗ. Т. VII. № 5106, 5216.

подушных денег, выявлением беглых и др.¹⁸

Ряд указов был направлен на смягчение нравов и запрещение публичной демонстрации жестокостей.

Указ 10 июля 1727 года повелевал уничтожить в столице столбы на площадях, на которых водружались головы казненных. Обычай был признан варварским, заимствованным с Востока. Другой указ, обнародованный в том же 1727 году, запрещал публичные казни на площадях двух столиц — Петербурга и Москвы — и требовал их осуществления за городской чертой в специально отведенных для этого местах. Если первый указ бесповоротно порвал со средневековым прошлым, то второй был нарушен просвещенной императрицей Екатериной II, предавшей в Москве в 1775 году публичной казни Емельяна Пугачева.

31 июля 1727 года был обнародован указ, запрещавший архимандритам и игуменам хлопотать о монастырских делах в присутственных местах. Этот указ был направлен на повышение престижа монастырского начальства: подобные хлопоты, говорилось в нем, наносят духовному чину «поношение», а монастырям приносят разорение. Заниматься делами такого рода должны стряпчие.

Заслуживает внимания еще одно новшество — перевод Вотчинной коллегии из Петербурга в Москву. Указ был принят правительством в ответ на неоднократные просьбы дворян, жаловавшихся на разорительные для себя поездки в Петербург, в округе которого практически отсутствовало помещичье землевладение, сосредоточенное в центральных районах страны.

В заключение стоит отметить, что все перечисленные указы (за исключением принятия Вексельного устава и «Наказа» губернаторам и воеводам и их товарищам) были обнародованы до падения Меншикова. Из этого явствует, что Меншиков, несмотря на болезнь и хлопоты, связанные с реализацией матримониальных планов, находил время для законодательной инициативы — в отличие от его преемников в окружении императора-отрока.

¹⁸ ПСЗ. Т. VII. № 5333; Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. М., 1913.